
НИКОЛАЙ БАЖАНОВ

“...ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ”

Весной 1941 года меня направили во вторую батарею первого дивизиона 117-го гаубичного артиллерийского полка, который входил в состав 8-й стрелковой дивизии 10-й армии. Незадолго до нашего прибытия началось перевооружение дивизиона. Пригнали мощные тракторы-тягачи с кузовом, в котором размещался весь оружейный расчёт. Предполагалась замена орудий на более совершенные, с раздвижными лафетами. Но это сделать не успели. Новые орудия не прибыли, и нам пришлось вступить в бой с немцами со старыми гаубицами образца 1910 года. В апреле 1941 года, в ходе подготовки к учениям войск округа, наш дивизион принимал участие в боевых стрельбах на полигоне. И это был единственный случай перед войной, когда мы по-настоящему стреляли из орудий боевыми снарядами! О чём думало наше командование? Укреплённый район, строящийся на границе, был совершенно неготов. Многие доты не имели даже вооружения, а ведь через полтора месяца должна была начаться война. Немцы, которых мы видели марширующими по ту сторону границы, почти не скрываясь, готовились к ней. Стройные ряды “ястребков” — истребителей И-16 стояли без всякой маскировки на аэродромах, а граница проходила всего лишь в 10 километрах. Что тут можно сказать о руководстве Особого Западного военного округа во главе с генералом Павловым... Была ли это сознательная измена или преступное легкомыслие, но мы увидели, чем всё это обернулось в начале войны.

Вообще, на Белостокском выступе, глубоко врезавшемся в территорию противника, концентрировалось огромное количество войск, что создало немцам благоприятные условия для окружения наших армий, о чём предупреждал Г. К. Жуков ещё в ходе штабных манёвров за полгода до начала войны. Нам, молодым артиллеристам, тогда всё это, конечно, было неизвестно, но хлебнули мы сполна.

Последние мирные дни прошли, как обычные армейские будни. Вечером в субботу 21 июня был дневальным, съездил к ручью за водой, вернулся в свою палатку, помечтал о том, как проведу воскресенье, и тут же заснул.

БАЖАНОВ Николай Николаевич — ветеран Великой Отечественной войны, узник фашистских концлагерей. В 1940 году он окончил среднюю школу в Москве и сразу же был призван в армию. Служил в артиллерийских частях на западной границе, в районе знаменитого Белостокского выступа — самого западного участка нашей границы с Германией на тот период. Война для него началась в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Он был одним из немногих, оставшихся в живых, участвовавших в тех первых страшных боях. Мы публикуем отрывки из его воспоминаний, так как события, происходившие в первые часы и дни войны, до сих пор остаются во многом загадкой для истории. Как сражались наши войска в условиях внезапного нападения врага, что смогли предпринять, и почему враг все же прорвался глубоко на нашу территорию? Эти вопросы до сих пор волнуют многих. Вот рассказ очевидца.

У меня до сих пор такое впечатление, будто я только успел закрыть глаза, как раздались взрывы бомб и рёв самолётов. Это было четыре часа утра кровавого воскресенья 22 июня 1941 года. Мы выскочили из палатки и увидели: на аэродроме горят самолёты, а над нами летают немецкие бомбардировщики с чёрно-жёлтыми крестами на крыльях. Помню, старший сержант Манюхин закричал: “Ребята – война!”

Подняли нашу батарею, дали команду выезжать на шоссе, в направлении города Ломжи. Командовали только младшие командиры. Старшие офицеры уехали на выходные к своим семьям. Но, несмотря на некоторую неразбериху, все артиллерийские полки, отдельные дивизионы и противотанковые батареи быстро начали разъезжаться по своим позициям.

Проезжая мимо аэродрома, с горечью смотрели на сгоревшие и разбитые самолёты. Лётчики стояли около шоссе. Они говорили, что когда по тревоге прибежали на аэродром, все боевые машины уже были уничтожены, так как они стояли открыто, без маскировки и не прикрывались зенитным огнём.

В Ломже увидели последствия бомбардировки: разрушенные здания и первые трупы. То и дело над нами пронеслись эскадрильи немецких самолётов. Приходилось рассредоточиваться, увеличивая дистанцию между тракторами, тянущими орудия. Самолёты не бомбили, они летели мимо, в глубь нашей территории. Но в то же время мы двигались под непрерывным обстрелом немецкой артиллерии. Снаряды разрывались близко, но батарея не пострадала.

Заняли боевую позицию. Комбат тут же стал передавать данные и команды для стрельбы, которые телефонист громко повторял. За ним эти команды выкрикивали командиры взводов и орудий: “Первому орудью! Прицел!.. Угол!.. Дистанция!.. Осколочным! Одним снарядом! Огонь!”

В огневом расчёте первого орудия я был заряжающим. Один из бойцов протирал снаряды от смазки, а я, по команде “Зарядить орудие!”, брал из ящика тяжёлый, скользкий снаряд, подбегал с ним к орудью и проталкивал глубоко в приёмник ствола. Затем бежал к другому ящику, поднимал из него большую гильзу с порохом и также закладывал в приёмник. Боец расчёта закрывал замок и по команде “Огонь!” производил выстрел.

Это были первые залпы Великой Отечественной войны!

Мы уничтожили две немецкие батареи, а немцы вводили в действие всё новое и новые, скрытые прежде резервы. Снаряды ложились ближе и ближе к нам. Огонь немецкой артиллерии становился очень плотным. Осколками то и дело перерубались провода, и связистам приходилось постоянно бегать под огнём, восстанавливать связь.

Когда снаряды рвались очень близко от орудий, мы прыгали в открытые нами щели, спасаясь от осколков. В первой и третьей батареях из-за прямых попаданий появились первые потери.

Вскоре в костёле местечка Щучин обнаружили и ликвидировали немецких корректировщиков. Они по радиостанции корректировали огонь немецкой артиллерии.

У нас быстро сокращался запас снарядов. Каждая батарея имела несколько ящиков. Но этого количества не доставало для интенсивной стрельбы. Поэтому сразу, по прибытии на позицию, за снарядами направили машины на главные склады в Лавск. Но они не вернулись.

В первый день и ночь войны на нашем участке немцам не удалось перейти государственную границу. Наутро 23 июня обстановка резко изменилась. Стало известно, что южнее и севернее участка границы, обороняемого войсками 10-й армии, немцы прорвали оборону и глубоко вклинились на советскую территорию. Возникла угроза окружения, и нам дали приказ отступить.

Начали отступление от границы. Выкатили с огневой позиции и прицепили к тракторам орудия, погрузили ящики со снарядами. Сами разместились по тракторам. Все мои друзья были ещё вместе, никто даже не ранен.

Двинулись в путь по шоссе через Лавск. Сзади, в полевых укреплениях, остался заслон пехоты, который прикрывал наш отход. Проехали километров 20, а потом, по приказу, наша вторая батарея заняла позицию на шоссе, чтобы обеспечить дальнейший отход войск.

Пехота стала окапываться, мы тоже взяли за лопаты. Быстро подготовили огневую позицию и установили орудия. Невдалеке находился хутор с несколькими строениями и колодец. Стояла нестерпимая жара, мучила жажда. Наконец-то вдоволь напильсь и набрали воды во фляги.

Помню, разведчик Брысин влез на высокое дерево, чтобы вести наблюдение за дорогой. Он сообщил, что по шоссе двигаются на мотоциклах передовые части немецкой мотопехоты. Залпом из четырёх орудий мы накрыли их осколочными снарядами. Потом на нашем направлении появилась танковая колонна немцев. Комбат приказал приготовиться к стрельбе по танкам противника. Орудия зарядили фугасными снарядами, ждали команды «Огонь!»

Но вот наблюдатель доложил: по шоссе от границы на нас идут машины с немецкой пехотой! Только они появились в зоне нашего огня, мы дали залп осколочными снарядами. Немецкая колонна была разбита, а остатки её отошли назад.

После этого немцы близко к нам уже не подходили, что дало нам возможность начать отход. Двинулись на юг, через Едвабно в направлении реки Нарев. Теперь мы оказались самым западным подразделением наших войск на данном направлении. Согласно приказу командира полка мы очень спешили пройти эти 25 километров до моста через Нарев, прежде чем его взорвут. У нас появилась надежда, что на реке Нарев будет создан рубеж обороны, где мы окончательно остановим врага. Увы, эти надежды оказались несбыточными...

Настроение плохое – опять отступаем и не можем понять, почему? Прекрасно подготовленный рубеж обороны на Нареве пришлось бросить по приказу свыше – немцы уже далеко обошли нас со всех сторон. Нам было непонятно: если наша часть может уверенно сдерживать и громить врага, почему соседние части не могут делать того же? О предательстве не хотелось думать...

Теперь целью нашего отступления был намечен город Барановичи, но мы и не знали, что немцы уже прошли туда.

И вот тот трагический день... Помню, я сидел на тракторе, тянущем наши орудия, и тревожно осматривался кругом, ожидая внезапного появления немецких танков. Поглядывали мы все и на небо, но просмотрели появление самолётов с чёрными крестами на крыльях. По колонне прокатилось: «Воздух! Воздух!» Все бросились подальше от дороги, прятались в укрытия.

Я с трудом сполз с трактора, болели ноги, и залёг в кювет. Самолёты начали бомбёжку. Это были пикирующие бомбардировщики. Они заходили немного сбоку, выстраивались в одну линию и поочередно с диким рёвом устремлялись вниз. Казалось, они падают с неба прямо на тебя. Приблизившись к земле, сбрасывали бомбы и выходили из пике резко вверх. Раздался такой ужасной силы взрыв, что, показалось, треснула голова. Разорвались бомбы, сброшенные вторым самолётом, затем ещё и ещё. Взрывы слились в один жуткий грохот. Несколько бомб упали совсем близко от меня. Я потерял сознание.

Когда я очнулся, вокруг кричали и стонали люди, жалобно ржали раненые лошади, горели тракторы и машины, взрывались снаряды, мины. В воздухе дым, густая пыль, гарь. Бродя среди разбитой техники и исковерканных артиллерийских орудий, между убитыми, искалеченными и ранеными людьми, я пытался найти своих друзей, но не находил их.

...Дальше у меня остались отрывочные воспоминания сплошного пути по лесам, полям, болотам. Никто из нас, отступавших, не представлял тогда всего масштаба катастрофы, постигшей нашу армию, не знал, что делается в других военных округах. Это оказывало на нас деморализующее действие, ведь солдат не должен превращаться в зайца, вечно бегущего куда-то. Помню, ночью пробирались по окраине сгоревшего безлюдного Волковыска. Потом, около города Зельва, нас заметил немецкий самолёт и устроил настоящую охоту. Мы разбежались по полю и залегли во ржи. Я, лёжа на спине, стрелял в самолёт из карабина. Страх не было. Все чувства, кроме ярости, притупились. Желание одно – или смерть, или вырваться к своим. Но это не удалось...

Вижу, немцы подходят – и их много. Гитлеровцы шли быстро и непрерывно палили из автоматов. Мы открыли огонь, вначале довольно плотный, но по мере того как кончались боеприпасы, он становился всё слабее. Когда патроны кончились, все бросились к близкой реке, но поздно – фашисты уже появились на другой стороне. Автоматным огнём нас прижали к земле. Состояние полной апатии овладело мной. Конечно, нужно было застрелиться, как об этом сказано в «Памятке бойца»: «Советский боец ни при каких условиях живым в плен попадать не должен». Но я расстрелял все патроны, да и был уверен, что нас всё равно прикончат...

...Начался страшный период моей жизни – пребывание в плену. Ежедневное ожидание смерти. Почти четыре года на краю пропасти. Но в то же вре-

мя, несмотря на всю безысходность, продолжалась постоянная борьба за жизнь в условиях, которые могут привидеться только в кошмарном бредовом сне.

Станция Лесная в 20 километрах от Барановичей. Длинный, высокий забор из колючей проволоки, огораживающий большое поле. По углам – сторожевые вышки с прожекторами и крупнокалиберными пулемётами. Лагерь военнопленных. Группа немецких офицеров и солдат у ворот. Один из офицеров, видимо главный, громко кричит в сторону лагеря: “Каган! Каган!” Прибежал Каган – молодой человек в гражданской одежде, переводчик у немцев. Начался пересчёт пленных.

В лагере, а вернее сказать – на поле, находилось много наших пленных бойцов и офицеров. Но было немало и гражданских, остриженных молодых людей. Это были призывники, не успевшие добраться до своих частей. Немцы и их считали военнопленными. Мы все сидели на голой земле. Ночью поле освещалось прожекторами. Между двойных рядов колючей проволоки ходила охрана. Убежать отсюда было невозможно. В лагере я встретил своего товарища, наводчика первого орудия третьей батареи Виктора Беркутова. Он, как и я, потерял своё орудие под бомбёжкой, пробирался лесами, жил в белорусской деревне, но его выдала стриженная голова, и он оказался в лагере. Вместе с ним мы решили бежать. Это нам удалось месяца через два, когда пленных стали выводить на работы на ближайшую железнодорожную станцию.

Однако недалеко нам удалось уйти. Слишком мы были ослаблены голодом и болезнями в лагере. Полицаи выследили нас в одной белорусской деревне, схватили и выдали немцам.

И опять путь в никуда. Из разговора немцев мы поняли, что нас везут в Барановичи. И вот – старая барановичская тюрьма, построенная в незапамятные времена, окружённая каменным забором высотой в трёхэтажный дом, с караульными пулемётными башнями. К счастью, нам удалось скрыть, что мы бежали из лагеря. Помог нам в этом немецкий переводчик, который оказался родом из немцев Поволжья. Я запомнил его фамилию – Мауль. Вообще, он был хороший человек – единственный из служащих этого лагеря, который никого не бил. . .

Зато свирепствовали полицаи. Командовал ими некто Сундуков, бывший офицер Красной Армии. Чтобы выслужиться перед немцами, он особенно усердствовал в побоях наших военнопленных. Находились все пленные, как и в лагере, под открытым небом, в самом здании тюрьмы на нарах спать было невозможно, заедали клопы, вши и другие кровососущие насекомые. Кормили нас баландой, которую почему-то немцы называли “супом” и “кофе”, а также хлебом, сделанном, похоже, из опилок.

Но и этот “хлеб” надо было обрабатывать тяжёлым трудом. Мы ремонтировали шоссе на дорогу Барановичи–Брест. Как мы, совершенно истощённые, измученные люди работали там – можно себе представить. Но больше всего каждый из нас боялся отправки в Германию. Это казалось уже чистой смертью. А осенью 1941 года многих отправили туда. Но освободившиеся места не пустовали – прибывали новые наши пленные с фронта, который продолжал отодвигаться на восток.

Со слов вновь прибывших, по лагерю распространился слух, что все неудачи на фронте являются следствием предательства командования Западного военного округа во главе с генералом армии Д. Г. Павловым, а сам он и ещё целый ряд высших командиров осуждены и расстреляны.

В лагере многие этому верили. Но вот при Хрущёве военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговоры в отношении Павлова и его сподвижников и прекратила их дела за отсутствием состава преступления. Во всём обвинили Сталина. . .

Осень 1941 года выдалась очень тяжёлой. От голода, холода я заболел, у меня на ногах образовались незаживающие язвы. Следы этих язв видны у меня на ногах и до сих пор. Начался повальный мор среди наших военнопленных. Немцы создавали все условия для скорейшей гибели “лишних” пленных. Тюрьма была переполнена, нужно было освобождать места для новых и новых заключённых.

Самым страшным местом в этой тюрьме был подвал. Туда обычно помещали проштрафившихся или пытавшихся бежать. Но туда подчас привозили и гражданских лиц из города. Говорили, что в городе действуют подпольные группы. Те, которые попадали в подвал, недолго оставались в живых. Я запомнил одного очень красивого человека, капитана Маркова, командира дальнего бомбардировщика. Это был рослый человек, он всегда ходил с гордо поднятой головой и этим отличался от нас – забитых доходяг. Я не знаю его судьбу, но, скорее

всего, он был расстрелян немцами среди многих за дальней от ворот стеной тюрьмы.

Обычно те, кого немцы расстреливали, копали сами себе глубокую прямоугольную яму; когда яма наполнялась трупами, над ней насыпался небольшой земляной холм. Так же хоронили и всех умерших в лагере, могилы для них копали мы, ещё живые. Вообще, дело уничтожения советских военнопленных у немцев было поставлено очень хорошо и, как оказалось потом на Нюрнбергском процессе, тщательно разработано ещё до начала войны.

В декабре 1941 года, после поражения под Москвой, немцы совсем озверели. То и дело палили по пленным с пулемётных вышек без всякого повода, почти совсем перестали кормить. Потом в лагере появился сыпной тиф. Мертвецов уже стали складывать грудками каждый день у барачков. Однажды я увидел, как вынесли и положили в эту грудку тело моего друга Виктора Беркутова...

Весной 1943 года, после удачного побега из тюрьмы шестерых наших военнопленных, меня, в числе прочих, отправили из страшной барановичской тюрьмы в Эстонию в лагерь при шахтёрском посёлке Кева, в 60 километрах от Нарвы. Пленные здесь работали в шахте, добывая сланец. В лагере было много наших пленников с пассажирского теплохода "Иосиф Сталин", расстрелянного немцами в 1941 году, когда этот теплоход эвакуировал персонал нашей базы на полуострове Ханко.

Каждый день нас водили работать в шахту. Она находилась на расстоянии одного километра от лагеря. В шахте распоряжались эстонские мастера. Работа была тяжёлой, но всё же рабочий лагерь — это не каторжная тюрьма в Барановичах. Здесь даже можно было попробовать бежать, выбравшись на поверхность через какой-нибудь шурф. Вот только бежать было некуда. До линии фронта не добраться — рядом Нарвский укрепленный район, а обходить Чудское озеро с юга невозможно, так как везде в сельской местности свирепствовали эстонские карательные отряды, у которых для русских был только один приговор — расстрел.

В конце лета 1943 года в лагере начали вербовать будущих власовцев. Приезжал агитатор, русский, который на все лады клял Сталина, страшил нас тем, что, если Красная Армия победит, нас всех тут же отправят в ГУЛАГ.

Я и ещё четверо моих друзей проводили контрпропаганду, убеждая товарищей не вступать в армию Власова, не становиться предателями. Немцы, увидев бесполезность своих усилий, стали действовать по принципу "разделяй и властвуй", они отделили всех украинцев из нашего лагеря и создали из них особый бендеровский батальон, который должен был нести охранную службу.

Однако всё шло к концу. В феврале 1944 года советские войска прорвали линию обороны немцев у Нарвы и начали освобождение Эстонии. Мы надеялись на скорое освобождение из лагеря, а пока, за антивласовскую пропаганду, сидели в "зондеркоманде" — особом помещении, состоящем из карцеров с видом на... виселицу. На ней немцы повесили моряка из числа пленных и начали водить нас на допросы.

Видимо, и нас в результате ждала бы такая же виселица, но успехи Красной Армии заставили немцев спешно эвакуировать лагерь.

Когда в конце сентября 1944 года лагерь эвакуировали в Германию, нас, штрафников, содержавшихся в "зондеркоманде", отделили от общей массы пленных и вели к станции отдельно. Мы решили, что с нами будут кончать и готовились к смерти, но... налетели советские самолёты, началась бомбёжка станции, возникла паника, и в обстановке всеобщей сумятицы мы смогли смешаться с толпой пленных и раствориться в ней. Немцам же, видимо, было не до нас. Потом был трудный поход по морскому побережью к месту погрузки на корабль, повезший нас в Германию. Помню, тысячи заключённых лежали в изнеможении на морском берегу, словно трупы, покрывая песок. Над нами пронёсся краснорылый истребитель. Наш! Он облетел это место. Лётчик, видимо, хотел понять — живые это люди, или тысячи мертвецов лежат здесь.

А в это время советские войска уже освободили Кохтла-Ярве и Таллин. В таллинском порту были захвачены пятнадцать морских судов, до отказа забитых нашими военнопленными и эстонским гражданским населением. Их гитлеровцы в принудительном порядке гнали в Германию. Все были освобождены. Эстонцы со слезами благодарили русских солдат за спасение. Известно, что после войны в Таллине был поставлен памятник русскому солдату из бронзы. Помнят ли нынешние эстонцы, кто их спас?

Да, им повезло больше, а вот наша, моя и моих товарищей лагерная эпопея продолжалась уже в Германии.

Лагерь в Штаргарде был разделён проволочным забором на две зоны. Жизнь в этих зонах складывалась по-разному. В одной зоне, в добротных бетонных бараках со всеми удобствами, сидели английские и американские лётчики со сбитых немцами бомбардировщиков союзников. Они не снимали своей формы, хорошо питались, с удивлением увидел я в этой зоне даже футбольное поле, где доблестные союзники разыгрывали дружественные матчи со своими немецкими противниками. Видимо, от нечего делать. На работу их немцы не гоняли.

Нас же привезли на пустое поле, покрытое пнями, где мы должны были выкорчёвывать эти пни. Это была работа на бауэров – немецких кулаков. Кормили нас всё той же баландой из брюквы, а американские и английские военнопленные получали чай, кофе, шоколад, галеты, сигареты – всё, как полагается в цивилизованном обществе. Ведь Германия – это же цивилизованная страна?

Но не только нам доставалось. В начале декабря 1944 года в лагерь пригнали пленных итальянцев, бывших немецких союзников, теперь воевавших против них. Мстительные немцы крайне плохо относились к ним. Легко одетых бывших своих союзников они часами держали на морозе, подвергали всяческим унижениям.

Накануне нового 1945 года меня и ещё большую группу военнопленных перевели в лагерь на полуострове Цингст на севере Германии. На окраине городка Цингст стоял длинный деревянный барак, окружённый забором из колючей проволоки. Вот, собственно, это и был мой последний лагерь.

Чувствовалось, война шла к концу. Охрана лагеря состояла из одних стариков да инвалидов, негодных к строевой службе. Немцы уже не свирепствовали, как раньше. Они всё чаще поглядывали на небо, где каждый день шли и шли на Германию эскадры тяжёлых бомбардировщиков союзников – “летающих крепостей”. Их было так много, что в иные моменты, казалось, всё небо покрыто чёрными точками – бомбардировщики шли на большой высоте.

Однажды утром территория лагеря вся была засыпана листовками, сброшенными с самолётов. В листовках на немецком языке администрация лагерей строго предупреждалась против плохого обращения с военнопленными. И подписи: Сталин, Черчилль, Трумэн. Мы воспрянули духом и стали готовиться к побегу.

Шла весна 1945 года. Советские войска уже взяли Штеттин, форсировали Одер и быстро двигались к Берлину. А нас немецкая администрация решила вывезти. Куда? Время для побега настало. Собралось нас четверо молодых ребят, и, раздирая руки в кровь о колючую проволоку, мы перелезли через забор нашего лагеря. Удивительно, но немцы, которые проходили как раз в этот момент мимо ограды лагеря, увидев, как мы бежим, не только не задержали нас, но ещё кричали нам вслед: “Русские, быстрее, быстрее!”. Несколько дней мы шли на восток, прячась в болотах, в покинутых немецких домах, в сараях. Изредка мы встречали немцев, в основном женщин, и осмеливались спрашивать у них: “Где русские?”. Нам отвечали: “Русские везде! В Штральзунде, в Барте, в Ростоке...”. Мы шли дальше, а немецкие женщины кричали нам вслед: “Гитлер капут!” Кончался “тысячелетний рейх”.

Как сейчас помню, мы выскочили из леса, пересекли железную дорогу и увидели шоссе, по которому вереницей шли и шли незнакомые нам мощные машины. На них плотными рядами сидели советские солдаты. Потом прошла колонна танков. Это были наши Т-34!

Непобедимая техника всё шла и шла, мы, как зачарованные, смотрели на бронированные машины, на весёлых молодых солдат, офицеров с блестящими орденами и медалями на груди. Невольное чувство горечи заползло нам в души. Почему не нам довелось разгромить врага? Но, отвечали мы себе, нам довелось первым встретить его и буквально своими телами загородить ему дорогу.

Итак, заканчивалась война, закончилась для нашего героя и фашистская каторга. Уже на проверке в советском фильтрационном лагере он услышал одну фразу из уст офицера СМЕРШа капитана Голосова, обращённую к нему, которая его поразила: “Вы один из немногих, оставшихся в живых...” Имелись в виду те немногие советские солдаты и офицеры, которые встретили войну на границе и уцелели к её концу. Уцелели и победили. А нашему герою ещё довелось повоевать! Война не везде закончилась 9 мая 1945 года. После проверки СМЕРШем Николай Бажанов был зачислен рядовым в батарею 120-миллиметровых миномётов стрелкового Краснознамённого ордена Суворова полка. И вместе со своим полком проделал поход в Судетские горы, где не сдавались некоторые немецкие части, пытавшиеся пробиться на Запад. Бои были хотя и локальные, но ожесточённые. Только в декабре 1945 года 69-ю дивизию, в которую входил полк Бажанова, вывели из Германии на родину. А в июне 1946 года Николай Бажанов демобилизовался и вернулся к родным в Москву, которую не видел пять страшных лет.